

НОВЕЙШИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ РОССИИ

М.С. ЧЕРКАСОВА

СЕВЕРНАЯ РУСЬ: ИСТОРИЯ СУРОВОГО КРАЯ XIII—XVII ВВ.

Марина Сергеевна Черкасова
Северная Русь: история
сурового края XIII-XVII вв.
Серия «Новейшие исследования
по истории России», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23878330

М. С. Черкасова. Северная Русь: история сурового края XIII-XVII вв.:

Центрполиграф; Москва; 2017

ISBN 978-5-227-07321-1

Аннотация

Вниманию широкого читателя предлагается научно-популярная книга о средневековой истории Северной Руси – от Древней Руси через удельный период к Московской Руси. Территориально исследование охватывает Белозерскую, Вологодскую и Устюжскую земли. История этой отдалённой окраины Древней Руси проанализирована на основе разнообразных письменных источников и с учётом новейших археологических данных. Показаны пути интеграции Севера с метрополией, формы административно-территориального устройства обширного края в XV–XVII вв. и наследие ордынского ига. Автор делает акцент на характерном для данного региона процессе «взаимного уподобления» гражданских и церковных

форм и структур в экономическом и социально-политическом освоении пространства. В работе на примере городов Вологда и Устюг рассмотрены вопросы исторической демографии. В качестве опыта микроистории предложены очерки об институте семьи и брака у городских и сельских жителей Севера, о первом и последнем вологодском удельном князе Андрее Васильевиче Меньшом, об истории крестьянской семьи Рычковых из усть-вымской архиерейской вотчины в 1650–1670-х гг. и особенно – о богатейшем вологодском госте Г. М. Фетиеве. В работе раскрывается и социокультурный аспект истории средневекового русского Севера: индивидуальные и коллективные практики милосердия, пиров и братчин, а также устное и письменное, городское и сельское начала в повседневном функционировании книжной культуры и грамотности.

Содержание

Введение	6
Раздел первый. Земля и власть	8
Очерк 1. Северная окраина Древней Руси	8
Очерк 2. Ордынский след	17
Конец ознакомительного фрагмента.	41

М. С. Черкасова
Северная Русь: история
сурового края XIII–XVII вв.

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 15–41–93006к)

© Черкасова М. С., 2017

© «Центрполиграф», 2017

Введение

Вниманию широкого читателя предлагается научно-популярная книга, состоящая из серии очерков. Хронологически повествование охватывает Средневековье – от Древней Руси через удельную к Московской Руси. Территориально – базируется главным образом на трёх землях – Белозерской, Вологодской и Устюжской. Очерки сформированы в четыре «измерения» – раздела. В первом (с учётом прежде всего данных новейшей археологии, специалистом в области которой автор не является) речь идёт о севере как отдалённой окраине Древней Руси, путях его интеграции с метрополией, затем – о наследии ордынского ига и формах административно-территориального устройства обширного края в XV–XVII вв. Здесь важен показ «взаимного уподобления» гражданских и церковных форм и структур в экономическом и социально-политическом освоении пространства.

Во втором разделе затрагиваются проблемы исторической демографии: сначала на примере городов Вологды и Устюга (у последнего – с учётом его ближайшей округи и более отдалённых уездов севера и центра страны). Как опыт микроистории и антропологически ориентированной истории в разделе предложен очерк об институте семьи и брака у городских и сельских жителей севера, а после него приведены документы из вологодских архивов за 1626–1681 гг. Антропо-

логическая направленность сохраняется в очерках третьего раздела – о первом и последнем вологодском удельном князе Андрее Васильевиче Меньшом, об истории конкретной крестьянской семьи Рычковых из усть-вымской архиерейской вотчины в 1650–1670-х гг. и особенно – о богатейшем вологодском госте Г. М. Фетиеве. По окончании очерка также приведены некоторые документы из купеческого архива.

Четвёртый раздел имеет социокультурную направленность: в нём раскрываются индивидуальные и коллективные практики милосердия, пиров и братчин, а также устное и письменное, городское и сельское начала в повседневном функционировании книжной культуры и грамотности. Научно-справочный аппарат указан в документальных приложениях к отдельным очеркам и в «табличном» материале. От самого же наименования «Таблица» автор с учётом научно-популярного формата книги решил отказаться. Завершается работа, однако, обширным списком источников и литературы, а также списком сокращений.

Раздел первый. Земля и власть

Очерк 1. Северная окраина Древней Руси

Русским Севером в научной литературе называют огромные пространства к северу от водоразделов: 1) Волги и Онеги; 2) Волги и Северной Двины. Славянская колонизация их начинается на рубеже X–XI вв. Значительные успехи археологии последних десятилетий (масштабные работы Л. А. Голубевой, Н. А. Макарова, С. Д. Захарова, А. Н. Башенькина, А. В. Кудряшова, И. П. Кукушкина и мн. др.) подняли изучение северного Средневековья на качественно новый уровень. Наибольший пласт средневековых древностей к настоящему времени выявлен в Белозерье, Каргополье, Посухонье, Важской и Устюжской землях. Хозяйственное освоение (промыслово-земледельческая колонизация) этих окраинных территорий Древней Руси осуществляется в суровых природных условиях и позднее, чем на юге и Волго-Окском междуречье. Именно на северной окраине Древней Руси сложились наиболее благоприятные условия для сохранения архаических элементов финно-угорской и славянской культуры. В ходе освоения водно-волоковых коммуникаций на во-

доразделах речных систем Волги, Онеги и Северной Двины шло становление сначала присваивающего, а затем – производящего типов хозяйства. Факторами этого движения на начальном этапе являлись, как пишет Н. А. Макаров, широкие перспективы пушного промысла и наличие незанятых земель, пригодных для сельскохозяйственного освоения.

Крупнейшим центром на северной окраине Древней Руси являлось Белоозеро, упомянутое в Повести временных лет под условной датой 862 г. в числе древнейших русских городов как населенное финно-угорским племенем *весь*. Наряду со словенами, мерей и кривичами оно участвовало в призвании варягов. По современным археологическим данным, ядро племенной территории *веси* находилось не на самом Белоозере, а к юго-западу от него. Узел же славянского расселения сформировался на периферии как древнерусских земель, так и расселения *веси*, а также на пересечении двух основных потоков колонизации – новгородского и ростово-суздальского. В этот процесс были вовлечены, кроме славян, представители других этнических групп – балтов, прибалтийских финнов, скандинавов, мери и восточных финнов. С конца X в. шло быстрое смешение славянского и финно-угорского населения, наблюдался активный приток в Белоозерскую округу (северный и восточный берега озера, низовья Кемы, верховья Шексны и на Волок Славенский) выходцев из русской метрополии. Уже в XI в. Белоозеро теснее других севернорусских земель было связано с центром Руси.

В Белозерской округе открыто за последние десятилетия более 100 археологических памятников, установлено сходство материальной культуры белозерских селищ с аналогичными более южных районов Древней Руси.

Ещё один центр концентрации археологических комплексов (полтора десятка селищ и могильников XI–XIII вв., причём в последних погребены представители смешанного славяно-финского населения) – это окрестности Лаче-озера. Со второй половины XII и в течение XIII в. формируется Вологодская округа: в низовьях р. Вологды и в верхнем течении Сухоны выявлен ряд поселений с древнерусской керамикой XII–XIII вв. Наиболее же достоверные ранние письменные указания на существование Вологды как города относятся к 1264 и 1273 гг. В ходе археологических раскопок последнего сезона (под руководством И. П. Кукушкина в районе улиц Парковой-Бурмагиных в июле 2015 г.) была выявлена первая вологодская берестяная грамота, датируемая А. А. Зализняком и А. А. Гиппиусом по совокупности палеографических и языковых признаков первой четвертью XIV в. Грамота ещё не опубликована. Такое её чтение озвучил А. А. Гиппиус на научной конференции журнала «Древняя Русь. Вопросы медиевистики» в Институте российской истории в сентябре 2015 г.: *«Гяков к тебе, к тебе ся Онаник тесть. Брат Остафе, послал с тобою емь рубль, к Самойлу рубль. И ни мне рубля, ни мне проторов»*. В ходе обсуждения совместного доклада И. П. Кукушкина и А. А. Гиппиуса было

высказано много различных трактовок данного текста. Источник находится в стадии изучения.

Другим сгустком населения в XIII в. становятся земли Кубенского Заозерья и Бохтюги с находками вещей XII–XIII вв. Именно здесь с конца XIV в XV в. будут располагаться северные уделы Ростовского и Ярославского княжеств, ставшие за последние годы предметом детального рассмотрения О. Н. Адаменко, Н. В. Башнина, А. Л. Грязнова, В. Д. Назарова. Сухона в её среднем и нижнем течении оставалась ещё слабозаселённой. Можно указать лишь на погост Векшенгу. Судя по карте из монографии А. Н. Насонова, он маркировал южную кромку новгородских даней, определённых по уставной грамоте князя Святослава Ольговича 1136/37 г. Погост был расположен в 89 км к востоку от Вологды у впадения справа рч. Векшенги («беличья река») в Сухону. Здесь в казну новгородского святителя бралось «два сорочка» (80 беличьих шкур). Археологическое исследование А. В. Никитина выявило на месте Векшенги небольшое мысовое городище треугольной формы, две стороны которого были образованы оврагами, а третьей служил ров. Незначительный культурный слой свидетельствует о том, что люди на самом городище, скорее всего, не проживали, тогда как сохранившееся рядом с ним селение до сих пор называется Погост.

Далее ниже по течению Сухоны можно указать на погост Усть-Тошьма и предположительно связать его с устьем реки Толшмы, её заметного правого притока, по которому волна

колонистов-поселенцев двигалась из Костромского Поволжья. Либо это Старая Тотьма, предшественница современного города Тотьмы. Волоки между Монзой и Лежей (впадающей в Сухону), а также между реками Монзой, Лежей и Обнорой (впадающей в р. Кострому) в литературе изучены слабее, тогда как местными археологами и краеведами новейшего времени подробно описаны (работы А. В. Белова, И. Ф. Никитинского, Д. А. Пшеницына). Они обратили внимание не только на топонимику данного края в писцово-вой книге 1624 г. (починок Переволока, приход Заволочьевский к церкви Василия Великого, пристань Ноземские Исады у впадения Лежи в Сухону), но и агиографический памятник – житие Ферапонта Монзенского, основавшего в конце XVI в. небольшой Благовещенский монастырь у впадения р. Монзы в Кострому. При Иване Грозном был прорыт канал между Монзой и Лежей длиной 6 км, а общая протяженность Монзенско-Лежского пути с Волги на Сухону составила 325 вёрст – значительно меньше, чем Волжско-Шекснинского пути (691 верста). Письменное указание на функционирование волока между Галицким и Вологодским уездами (реками Монзой и Лежей) имеется в сотной на вотчину вологодского архиепископа 1624 г.: «...от Каменново болота на судовую *переволоку*, что *переволачивали* суды сухим путём из речки Мензы в реку Лежу».

Ниже по течению Сухоны при слиянии её с р. Юг крупнейшим центром славянской колонизации стали города Гле-

ден и Устюг. Первый упомянут в летописи в 1178 г. (при кн. Всеволоде Большое Гнездо), второй – в 1212 г. (его сыне кн. Константине Всеволодовиче). В 1980-х гг. Онежско-Сухонской экспедицией академического Института археологии под руководством Н. А. Макарова было обследовано до двух десятков сельских поселений по Малой Северной Двине и Югу. Они располагались на излучинах рек, иногда вблизи мелких рек и ручьёв. Характерная для них древнерусская круговая керамика и бытовые предметы могут быть датированы XII–XIII вв. и маркируют область первоначальной славянской колонизации на данной территории. Наиболее раннему поселению на Гledenской горе соответствует археологический памятник Морозовица-III. Поселение располагалось на краю высокого коренного берега Сухоны и практически уже не существует, будучи снесённым паводками рек Юг и Сухона. Видевший остатки его в 1771 г. академик и путешественник И. И. Лепёхин ориентировочно определял протяжённость сохранившихся валов в 175 саженей, то есть 378 м. В настоящее время в пределах Устюжской округи выявлено более 20 селищ древнерусского времени, основанных в XII–XIII вв. выходцами из центральных районов Руси, но гораздо больше их было смыто разливами своенравной Сухоны. Несомненно, Устюг находился в центре плотно заселённой округи, заметно отличавшейся в этом отношении от сопредельных территорий.

По разделу Северо-Восточной Руси между сыновьями кн.

Всеволода Большое Гнездо в 1212 г. Устюг вместе с Ростовом, Ярославлем и Угличем достался старшему его сыну, кн. Константину Всеволодовичу, который в том же году «детинец и *церкви* устроив в нем». К 1218 г. относится известие о взятии волжско-камскими болгарами Устюга. Весьма показательным упоминание Устюга в литературном памятнике XIII в. «Слово о погибели Русской земли». В нём Устюг маркирует северную границу Древней Руси: «от немец до корелы, от корелы до *Устюга*, где тамо бяху тоймици погани и за Дышащим морем, от моря до болгар...» Фигурирует Устюг как северный край Руси и в «Списке русских городов ближних и дальних» конца XIV в.

Завершая краткий обзор истории Северной Руси в древнерусский период, скажем коротко о процессе христианизации здесь. Многие в этом плане дают недавно открытые в Белозерье и на Волоке Славенском могильники – Кемский, Нефедьевский, Мининский. Археологами установлен постепенный переход от языческого обряда погребений (кремация с большим количеством украшений и бытовых вещей) к обряду, более соответствующему христианским канонам: ингумации с гораздо меньшим количеством вещей либо вообще безынвентарной, в грунтовых ямах, с западной ориентировкой. В центральной части Белозерской земли переход этот датируется первой половиной XII в., а на восточной окраине Белозерья, Волоке Славенском, – рубежом XII–XIII в.

Как показывает эволюция погребальной обрядности, переход от язычества к христианству на севере не был одномоментным, погребальные обычаи обширного края формировались в результате скрещивания финских и славянских традиций. Обилие находимых в культурных слоях тельных крестиков свидетельствует о поступательном процессе крещения местного населения. Ранними образцами христианской рукописной книги стали знаменитый Шенкурский Пролог, написанный в 1227 г. новгородским дьячком Давидом в храм «Спаса за Волок в Шенкурье» и Париминийник 1271 г. для церкви Бориса и Глеба в Матигорах в нижнем Подвинье, также новгородского происхождения.

Рассадниками христианства становятся также первые северные монастыри, тесно связанные с городами – Троицкий Усть-Шехонский на Белоозере, Троице-Кайсаров в Вологде, Троице-Гледенский и Михайло-Архангельский в Устюге. Возможно, не случайны эти Троицкие (Господские) храмоименования древнейших монастырей Белоозера, Вологды и Устюга. Не указывает ли это на оказываемую им поддержку со стороны кн. Глеба Васильковича, про которого в «Сказании о Троицком Усть-Шехонском монастыре» говорится, что князь Глеб начал «княжити на *Белоозере и на Вологде, и на Устюге Великом*». Автор «Сказания» к этому добавляет, что благоверный кн. Глеб и сын его кн. Михаил «стяжаста велию веру к Живоначальной Троице».

Распространение христианства, несомненно, способство-

вало укреплению института моногамии (единобрачия). На севере была открыта серия парных (мужчина/женщина) захоронений – как разновременных (в Нефедьевском могильнике), так и синхронных (в Мининском могильнике). Можно согласиться с их интерпретацией Н. А. Макаровым как символизирующих значимость брачных союзов и семейных отношений. Это яркий феномен средневековой культуры на севере, существенный для характеристики семейно-родственных связей, психологического уклада и религиозного сознания. Малая семья воспринималась как важнейший общественный институт, и был он отнюдь не только социальной ячейкой, но ещё зиждился на глубокой личной привязанности. В предлагаемой ниже работе проблемы семьи и брака на более широкой документальной основе применительно к XVI–XVII вв. будут рассмотрены в специальном очерке.

Очерк 2. Ордынский след

В XIII в. Северо-Восточной Руси пришлось пережить тяжелейшее испытание – татаро-монгольское нашествие. По этой причине возрос приток населения из наиболее разорённых её районов (Владимир, Ростов, Суздаль, Кострома, Ярославль) на север – в Белозерье, Вологодчину, Устюжскую землю. В данном очерке приведены некоторые факты и наблюдения относительно административно-территориального деления, социально-политической и финансовой истории Вологды и Устюга в эпоху ордынского ига на Руси в XIII–XV вв. При этом используются не столько источники того времени, сколько ретроспективно привлекаются позднейшие свидетельства разнообразных памятников XVI–XIX вв. – летописных и литературных, писцовых и переписных книг, окладных архиерейских книг, челобитных, актов, историко-статистических описаний волостей и фольклора.

Одним из распространённых в ордынскую эпоху терминов с широким диапазоном значений было тюркское слово *улус*. В предельно широком смысле оно употреблялось для обозначения части Великой Монгольской империи, разделённой между потомками Чингисхана («улус Джучи» – в его состав была включена Русь; «улус Чагатай»; «улус Хубилай» и т. п.). Применительно к русским князьям слово «*улусник*»

означало их вассальный статус, политическую зависимость от Орды, когда единственным легитимным источником их власти являлось получение ярлыков на княжение, обусловленное последующей выплатой ордынской дани («выхода», «хараджа»).

При обращении к источникам по Вологде, Тотьме и Устюгу XVI–XIX вв. в них обнаруживаются и термин «улус», и – как уменьшительное от него – «*улусец*». Удалось установить любопытное совпадение *погоста* древнерусского времени (XII в.) и *улуса* конца XVII в. Оно относится к известному по уставу новгородского кн. Святослава Ольговича 1136/37 г. погосту *Векшенга*. В переписных книгах 70–80-х гг. XVII в. фигурирует Векшенский *улусец* в значении «часть», «доля» в составе Векшенской волости (в улусе отмечена лишь деревня Глухая, принадлежавшая гостю И. Д. Панкратьеву). В это время и улусец, и волость входили в Тотемский уезд, сам же уезд формировался во второй половине XVI – первой четверти XVII в. из восточных волостей Вологодской и западных волостей Устюжской земли. О составе поселений погоста Векшенга на «дикий (правой. – М. Ч.) стороне» Сухоны можно узнать из одной челобитной 1651 г. В погост входили следующие селения: слободка Пьянково по р. Сухоне ниже по её течению, до устья рч. Толшмы, дер. Куницыно подле Пьянковой слободы, дер. Выставка на устье рч. Ихалицы, дер. Глухая на речке Глухой и, наконец, искомая дер. *Векшенья* Воробьево тож. Несмотря

на сильную хронологическую разведённость сведений о Векшенге как погосте XII в. и волости XVII в. (с частью её – улусцем), «прямое попадание» прихода и улусца в одну точку само по себе весьма показательно и, несмотря на исключительную редкость, побуждает к дальнейшим поискам. Речь в данном случае идёт о преемственности погостов древнерусского времени и позднейших административно-налоговых опорных пунктов в продолжавшемся освоении этой части Русского Севера, в том числе и в ордынскую эпоху.

Помимо Векшенского, в Тотемском уезде XVII в. были и другие улусцы. В волости Стрелице (на левой стороне Сухоны) известен *Нутренской улусец* на речке Нутрянке (то есть и он был её частью). В составе ещё одной тотемской волости – Толшмы (на правой стороне Сухоны) – и тоже как часть её переписные книги 1670–1680-х гг. отмечают *Маньловский улусец* (приход ц. Рождества Христова). Остальная же часть этой волости улусцем не называлась и образовывала приход церкви Благовещения Пресвятой Богородицы на устье р. Толшмы, существовавший уже к середине XVI в. Здесь был местный торжок и Усть-Толшменская таможня (ныне – с. Красное). В одной крестьянской челобитной преосв. Александру Устюжскому и Тотемскому 1697 г. фигурирует *Верхоеденгский улусец* – приход церкви Николая Чудотворца.

Тотемские улусцы продолжали существовать и во второй половине XVIII в. В окладной книге Устюжской епархии 1755 г. (в неё тогда входил и Тотемский уезд) отмечены

следующие улусцы-приходы: Нутренской, Векшенский, Чаловский, Ихалицкий (во всех – церковь Николая Чудотворца), Маныловский (с той же церковью Рождества Христова) и Верхоеденский Старототемской волости. Географически улусцы располагались как по правому, так и по левому берегу р. Сухоны. Заметное присутствие в них Никольских храмоименований не случайно, учитывая охранительные функции этого святого для плавающих по водам. Исторически тотемские погосты, несомненно, относились к территории Устюжской земли, западный рубеж которой с Вологодской землёй ранее всего фиксируется в 1540-х гг., а затем – в комплексе писцовых и переписных книг XVII в. Он проходил по Сямженской волости, расположенной по частям и в Вологодском, и в Устюжском (в XVII в. – в Тотемском) уезде. В составе Сямженской волости в XVII в. был Рубежский станок, а в соседней тотемской волости Моле – деревня с выразительным названием Порубеж. Вологодско-устюжское разграничение в районе Сямжи-Моле отражало разную политическую и владельческую принадлежность данных земель – восточный рубеж вотчин старшей ветви ярославских князей (Пенковых) на их вологодской окраине и мелкие уделы Ростовского княжества (князей Голениных – старшей линии Ростовского дома) на западной оконечности Устюжской земли. В условиях ордынского ига к этому политическому разграничению мог добавиться ещё учёт податных округов для выплаты выхода с северных окраин Ярославского и Ростов-

ского княжеств.

Векшенский, Ихалицкий и Нутренский улусцы были вытянуты вдоль Сухоны, а ещё два – Чаловский и Маныловский – по верховьям и низовьям р. Толшмы соответственно, связывая тотемские земли с галицко-коstromскими. И действительно, слободка Пьянково в XVII в. называлась «на Галицком взвозе», а про расположенную на острове Никольскую Бабьеозёрскую пустынь в Илезской волости говорилось «у Галицкого рубежа». Через галицко-коstromские земли на Сухонское правобережье совершались неоднократные в XV–XVI вв. набеги казанских татар. Попав на Сухону, далее они двигались вверх и вниз по её течению – на Вологду, Шуйский городок (крупную вотчину Ростовской митрополии), Тотьму и Устюг.

Обнаруживаются улусы/улусцы в значении «часть, доля» в составе волостей в материалах поземельного кадастра соседнего с Тотемским Вологодского уезда, причём как в Заозерской, так и в Первой его половине. В писцовой и переписной книгах 1627–1630 гг. и 1646/47 г. в заозёрской Давыдовской волости фигурируют два улуса – *Софонтьевский* и *Фоминский*, а в дозорной книге 1619–1621 гг. синонимом Фоминского улуса выступает Фоминская *волостка*. Подобное словосочетание указывает на некие владельческие права и в большей степени показательно для новгородских, нежели вологодских источников. Дозор 1619 г. фиксировал как раз поместные раздачи в данной части уезда. Не случайно

Вл. Даль после длинного перечня значений слова «улус» (как стойбище, становище, собрание жилых хижин, селение, табор, аул, род, поколение под одним старшиной) заметил, что «у нас принято это называть волостью». К такому пониманию близко указанное Б. Д. Грековым и А. Ю. Якубовским значение улуса как подвластного *населения*. Ещё одно упоминание Софоновского улуса встречается в крестьянской челобитной вологодскому архиерею 1673 г. В Заозёрской части уезда в переписной книге 1678 г. указан также *Ратинский* улусец. В описании 1620-х гг. он же отмечен как Ратинский *станок* Мануйловской волости, а в окладной архиерейской книге 1676/77 г. без указания на улусец фигурирует *приход* Св. Дмитрия в Ратине в Троицкой трети Вологодского уезда. Налицо взаимозаменяемость понятий улусец, волостка, станок – всё это было мелкими территориальными (и, возможно, владельческими) единицами.

В одной челобитной вологодскому архиерею 1640 г. упомянут улус (полагаем, что в значении «приход») *Милостивое* на Кизме. Локализовать его можно в районе Киземского озера и вытекающей из него рч. Кизьмы, расположенными тоже в Вологодском Заозерье, немного севернее Азленского станка, недалеко от упомянутого выше селения-погоста Ратина. Название улуса Милостивое ассоциируется с храмоименованием – Всемилоостивый Спас. В окладной книге 1676/77 г. храм Всемилоостивого Спаса указан рядом с приходом Св. Дмитрия в Ратине. В окладной книге 1691 г. местоположе-

ние церкви Всемилоостивого Спаса рядом с Ратинским приходом уточнено – «на речке на Мужу». В Списках населённых мест Вологодской губернии за 1881 г. дер. Горка *Ки-земская* показана в Азлецкой волости Кадниковского уезда в 115 км от Кадникова.

Среди множества значений термина «улус» Вл. Даль и М. Фасмер приводят следующее: «ряд прямых полей, пашен в прямых межниках, закоулки» (из псковских и тверских говоров). Улус неожиданным образом оказывается близким греческому «*αυλὶς*» – стоянка, улица. Улус как ряд прямых полей вполне соотносим с улицей – чем-то выпрямленным, ровным. На память приходит топонимика Устюга, для которого, как и для всякого северного города, была характерна органическая близость посада и прилегающей сельской округи. В писцовой книге 1623–1625 гг. здесь отмечена Мироносицкая улица, переходящая в Мироносицкое село. Есть и другие улицы – Пятницкая, Леонтьевская и, вероятно, ставшие их продолжением села, указанные в самом Устюге, – Пятницкое, Леонтьевское, образующие приходы, а «улисная» (уличная? – М. Ч.) земля в них учитывалась *плугами*. В городах границы прихода охватывали как раз улицу или квартал, а в сельской местности – исторически сложившуюся волость или её часть. В образцах ставленных грамот новгородского архиепископа Геннадия 1503/04 г. (дьячкам и пономарям) термин улица является синонимом названию церкви («...на которую улицу имярек святому...»).

Заслуживает внимания ещё одно значение греческого «αυλῖς» – находящийся, ночующий в поле, сельский. Так могли называться первоначальные остановки архиереев и их должностных лиц (десятильников, доводчиков со своими «людьми»), собиравших ещё в домонгольское время церковную дань и судебные пошлины. Дело в том, что первичной формой деятельности и государственной, и церковной администрации в Древней Руси была объездная, а не стационарная. Так слово «αυλῖς» (путём замены в русских переводах дифтонга *au* на *y*) могло семантически соединиться с приходом, местом остановки лиц церковной администрации, иными словами, погостом древнерусского времени, образцом которого выше мы как раз и посчитали Векшенгу. Архаические элементы такой именно организации управления в виде зимнего «объезда» сельских приходов Устюжской земли владычными десятильником, доводчиком с их людьми, сбора «полюдного» отражены в окладной книге Ростовской митрополии 1625 г. Унаследованные от древнерусской эпохи, они, таким образом, продолжали функционировать и в первой четверти XVII в. Все указанные выше тотемские и вологодские улусцы территориально как раз укладываются в рамки Ростовской епархии на севере.

Другое объяснение происхождения северных улусов/ улусцев можно связать с летописным известием о большой ссылке знатных казанских татар в 1487 г. на Вологду и Белоозеро (точнее, Карголом) – царя Алегама с матерью ца-

рицей Фатимой, женами, сестрами и братьями Мелик-Тагиром и Худай-Кулом. Кроме того, на Вологду в 1480 г. был сослан крымский царевич Хайдар (Айдар), сын Хаджи-Гирея. В Устюжском летописном своде отмечено, что вел. кн. Иван III *«татар рассказал по посельским»*. Посельские, как известно, управляли дворцовыми (великокняжескими) сёлами, а Вологодский и Устюжский уезды в XV–XVI вв. вообще были плотно насыщены дворцовым землевладением. Речь, следовательно, должна идти о кормовом обеспечении ссыльной татарской знати с дворцовых сёл-волостей Вологды и Устюга. Такие волости, точнее их часть, могли пониматься как улусы, с которых кормились татары. Допустимо и предположение о переходе части ссыльных татар в православие, что как-то может объяснить позднейшее соединение улусов с низовой структурой церковной организации. Однако для подтверждения нашего предположения у нас нет систематических описаний – и государственных, и тем более внутрицерковных – Вологодского и Устюжского уездов конца XV – первой половины XVI в., в которых содержался бы фактический материал о возможном расселении татар и их крещении здесь.

Крайняя западная оконечность в географическом распространении улусцев замечена в Чарондской округе в 1699 г. – это *Чюриловский улусец* в вотчине Спасо-Вожеозёрского монастыря. Крайним восточным улусцем можно считать Пичужский в составе Кичменгской волости, расположенный по

р. Ентале. В 1780-х гг. он входил в Никольский уезд Вологодской губ. Этот улусец примыкал к одному из ареалов Южской трети Устюжского уезда – по среднему Югу с его притоком Кичменгой. Любопытно, что на р. Ентале по писцовым книгам XVII в. известна дер. Бакшеев двор, а тюркское слово «бакшей» означает писца. Используется это слово и в антропонимических конструкциях при указании на казанскую и крымскую знать. В Пискарёвском летописце под 1534–1536 гг. фигурируют послы из Казани (Козя-Охмат-бакшей) и Крыма (Тетчербей-бакшей). В том же источнике находим смысловое сближение слов «улусы», «ясак» и «чёрные люди», что подчёркивает значение улусов как податных округов.

Взяв Казань в 1552 г., царь Иван IV потребовал от податного населения бывшего ханства («чёрных людей всех улусов») «есаки платити по-прежнему». Скорее всего, исчисление налогоплательщиков в улусах совпадало с военно-децимарным делением на десятки, сотни, тысячи и тьмы. Отсюда и выборные лица, ответственные за каждое подразделение, – десятские, сотские, тысяцкие, темники. Позднейшее употребление термина «улус» выявлено нами в просьбе казахских старшин Младшего Жуза 1726 г. о принятии их в подданство России. В тексте фигурирует 40 тыс. улусов, а в них 100 тыс. чел., «и все те люди военные». Значит, *улус* – это не только какая-то владельческая часть в общей территории или податной округ, но ещё и военное подразделе-

ние (применительно к упоминанию 1726 г.) численностью в 2,5 тыс. чел.

Список вологодских улусцев можно дополнить. На Сухонском правобережье между Шуйским городком и Тотьмой известны *Святогорский и Монзенский улусцы*. Последний в составе Шилегодской волости указан в переписных книгах 1678 г. Святогорский улусец отмечен в окладных книгах конца XVII в. и в «Историко-статистических описаниях церквей Вологодской епархии» середины XIX в. В книге 1691 г. Святогорский улусец отождествляется с приходом церкви Воскресения Христова на Святой горе, а Монзенский – с приходом ц. Успения Богородицы на Монзе.

Территория между Устюгом и Сольвычегодском в писцовых и переписных книгах XVII в. определялась как Баскачий стан. «Баскаки» (слово тюркское, они же по-монгольски «даруги», «даругачи») имели свои военные отряды, частично рекрутировавшиеся из представителей местного населения. Расцвет системы баскачества на Руси относится к первым, наиболее тяжёлым десятилетиям ордынского ига (1260–1290-е). В связи с проблемой баскачества А. Н. Насонов особо подчёркивает значение окраинных городов – северных или южных (Устюга, Тулы, Курска), находившихся в непосредственной зависимости от татар.

В Устюге бытовало сказание о татарском «ясащике» (баскаке, сборщике ясака-дани) Буге-богатуре (Багуге), чинившем местному населению всяческий произвол. Оно оказа-

лось включённым в Устюжский летописный свод под 1262 г. Буга «имал силно на постелю» дочь одного поселянина за неуплату им ясака. В условиях народных волнений против татар в начале 1260-х гг. ради собственного спасения Буга крестился в православие под именем Иоанн, а затем основал на окраине города – Сокольей горе – церковь Рождества Иоанна Предтечи. Функционирование устюжского баскака хронологически вполне совпадает с существованием института баскачества во многих городах Южной и Северо-Восточной Руси второй половины XIII в. Возможно, институт баскачества в Устюге контролировал обширную северную территорию по рекам Сухоне, Югу, Ваге, Вычегде и по крайней мере верховьям Северной Двины. Немного южнее села Баскачье-Вондокурье в Устюжском уезде даже на современной карте отмечена дер. Бугино, а ещё севернее – дер. Беголевская.

Заметим, что в Шуйском городке на правом берегу Сухоны у впадения в неё речки Шуйки (ныне – Междуреченский район Вологодской обл.) до сих пор уцелело селение Баскаково. Селение с таким же наименованием фигурирует в одной грамоте XV в. ещё и на восточном берегу Кубенского озера, а в XVII в. деревня с таким названием отмечена и в волости Лежский Волок Вологодского уезда. Ю. И. Чайкиной такое название выявлено ещё и в Череповецком районе. Подобная топонимика (деревни Баскаково вообще нередки и в других губерниях России, а их наиболее полную свод-

ку привёл А. Н. Насонов) указывает на размещение здесь баскаческих отрядов. А. Н. Насонов подчеркнул особо сильную их концентрацию на территориях Ростовского княжества, города которого с их вечевыми традициями выступили в 1262 г. против ордынских агентов. Упомянем ещё дер. Татариново недалеко от Шуйского городка (в конце XVII в. – это Шейпухоцкая вол.). Деревни Татариново, Татарово, Татарково существовали и в других волостях Вологодского уезда – Вастьяновской, Кубенской, Тошенской. Распространение приведённых названий также свидетельствует о закреплении в народной памяти «пришествий» сюда татар (скорее всего, казанских, с учётом уже отмеченных нами выше речных коммуникаций с Волги на Сухону, в 1530–1540-х гг.), налоговых выплатах в их пользу и, не исключено, о проживании их здесь.

При этом следует избегать буквальных истолкований этнических названий каждого выявленного населённого пункта типа Баскаково, Татарово или Казарино (хазары), Задние Чуди (чудь заволоцкая), Зырянский починок (коми-зыряне). Здесь могли сказаться свойства, закреплённые в значениях приведённых слов (баскак – смелый, бойкий, наглый, дерзкий человек), и факты испомещения служилых людей тюркоязычных фамилий Ахматовых, Баскаковых, Вельяминовых-Зерновых, Макшеевых, Мещерских и мн. др. на территории Вологодского уезда в XVI–XVII вв. Сказанное относится и к возможным трактовкам таких наименований,

как Ахмыльцово, Дюденево, Щелканово.

Красноречивый «язык земли» (приведённую топонимику), отразивший ордынский след, можно дополнить наблюдениями над налогово-повинностными взиманиями ордынской эпохи. Значительный интерес представляет исследование их наименований, как и самих окладных единиц. В 1324 г. на Устюг был совершён поход московского кн. Юрия Даниловича с новгородцами «и dokonчаша мир по старине и выход давати по старине во Орду». В 1333 г. кн. Иван Калита разгневался на новгородцев и устюжан за то, что они не дали выхода в Орду – *чёрного бора*. Выплата должна была идти с «пермских мест *устюгских*» – Вычегды и Печоры. Название чёрный бор происходило от пушнины, в частности чёрных соболей и куниц, которыми славились Устюжский, Пермский и Вычегодский края. «Чёрный бор» мог также противопоставляться взиманию ордынского выхода (как и дани вообще) не мехом, а деньгами – *белым серебром*.

В ряде источников XVI–XVII вв. фигурирует «плуг» (причём не только в актах по Устюгу, но и в порядковых записях, хозяйственных книгах Спасо-Прилуцкого монастыря по Вологодскому уезду), а «*поплужное*» соотносимо со сбором податей «по сохам» (плуг в налоговом смысле – это двойная, тяжёлая соха). Поплужное и его сборщики – «поплужницы» (причём это были княжеские люди, наряду с писцами и «таможницами», а не татары) – фигурируют в татарских ярлыках русским митрополитам XIII–

XIV вв. В одной правой грамоте Лопотова Пельшемского монастыря 1561/62 г. в качестве спорных упоминаются старинные «два плужища пашни». Выявленная в Устюжском уезде XVI–XVII вв. дер. Марковская *Плужище тож* наводит на предположение, что «плугом» как окладной единицей могло быть описано селение в целом. В офицерской описи Сольвычегодского Введенского монастыря 1763 г. Н. П. Воскобойникова отметила дер. Михайловскую *Плуг*, а Дементьево тож. Во фрагменте посадской окладной книги по Соли Вычегодской за 1567 г. находим обширный перечень налоговых сборов, некоторые из которых, полагаем, восходили к ордынской эпохе – это «поминочные деньги», «чёрные соболи», «ямские деньги и ямское дело», «*ноплужная* пошлина». «Плуги» как окладные единицы фигурируют и в актах Великоустюжского Михайло-Архангельского монастыря в сёлах Пятницком и Леонтьевском. Поминками назывались по сольские подарки в Орду. А о татарском яме следует сказать отдельно.

Это была повинность поставлять лошадей, транспортные средства вообще татарским послам и чиновникам. Под «ямом», как пишет Б. Д. Греков, могла пониматься и дань, собираемая с населения для организации ямской гоньбы. На противоположном от Шуйского городка берегу Сухоны («ходучая сторона») располагалась ямская слобода, от куда шла «Мольская дорога», ставшая частью системы ямской гоньбы в сторону Тотьмы и Устюга. Название некоторых то-

темских слободок Сухонского левобережья свидетельствует об их включённости в эту систему. Например, Коченская слободка, «что был ям Коченга на р. Сухоне», располагалась на её левой стороне. К югу от Вологды функционировали два яма – Обнорский и Комельский; на окраинах города – Кирилловская и Московская ямские слободы. И хотя приведённые факты относятся к XVI–XVII вв., допустимо предположение об отголосках каких-то устроительно-транспортных мероприятий татар здесь в более ранний период.

В вологодских и устюжских актах XV–XVII вв. широко отражена имеющая ордынское происхождение номенклатура транспортных налогов и повинностей – «ям», ямские деньги, ямское дело, ямщина. К ним, вероятно, близка по значению пошлина «повёрстное», упомянутая в одной прилуцкой грамоте 1541 г. С ликвидацией зависимости Руси от Орды эти поборы были включены в общерусскую систему налогообложения. К ордынской системе налоговых сборов восходила и посошная служба, организуемая по сохам, то есть путём взимания платежей или определённого количества человек с сохи («посошный корм»). К этому же кругу понятий восходили и сошные книги, сотные грамоты.

К налогообложению Устюжской земли в ордынское время могут иметь отношение упоминания о *бегоулях*. Этимологически это слово связывается с тюркским словом «букаулы» – интенданты, отвечавшие за снабжение крупных армейских подразделений в Орде XIV–XV вв. В источниках XVI–

XVII вв. данный термин обозначал агентов низового звена наместничьей системы кормлений. В словарях он переводится как «пристав», а у М. Фасмера указан ещё как дворцовый чин (из чагатайского языка). Наиболее ранняя документальная фиксация бегоулей относится к Ярославлю и отражена в жалованной оброчно-несудимой и проезжей грамоте кн. Фёдора Ростиславича Чёрного Спасо-Ярославскому монастырю конца XIII в., текст которой оказался воспроизведённым в грамоте его внука кн. Василия Ярославича Грозные Очи 1320-х гг.

Слово это фигурирует также в актовых источниках и делопроизводственной документации Устюга и Устюжской земли XVI–XVII вв. В указной грамоте Ростовского архиепископа Никандра устюжанам 1554 г. на построение каменного Успенского собора *бегоули* названы среди других должностных лиц и социальных категорий населения, наряду с детьми боярскими, гостями, торговыми людьми, земскими целовальниками, священниками, дьяконами градскими, посадскими, становыми и окологородными людьми. В соседнем с Устюгом Сольвычегодске до сих пор существует местная фамилия *Бегоулевых*. Обозначаемые этим словом должностные лица, наряду со старостами, ведали сбором с населения каких-то старинных кормовых поборов («бегоулева издержка»). В Устюге бегоули подчинялись волостелям, тиунам и наместникам, а в Соли Вычегодской – великокняжеским (дворцовым) посельским. Вероятно, бегоули расклады-

вали кормовые поборы среди податного населения – городского и сельского («...что не розрубят бегоули старины» – так говорится в актах Великоустюжского Михайло-Архангельского монастыря).

Бегоулям могли быть пожалованы и небольшие земельные владения. Деревня с названием Бегоулевская упоминается при отводе владычных земель в Комарицком стане Устюжского уезда (в районе р. Евды) от великокняжеских в сотной из писцовых книг Ю. И. Самсонова-Александрова на вотчину Ростовского архиепископа 1556–1557 г. Отвод середины XVI в. воспроизводит более старый отвод, зафиксированный в писцовых книгах А. Карамышева 1521/22 г. Не исключено, что дер. Бегоулевская существовала здесь и в XV в. В писцовых книгах XVI в. выявлена дер. Бегоулевская и в Заоторосльском стане Ярославского уезда.

Заметим также, что ярославский кн. Фёдор Ростиславич (в грамоте которого конца XIII в. впервые встречаются «бегоули») в ряде летописей называется ханским «улусником». Будучи женатым на ханской дочери, он занимал высокое положение чашника при дворе Менгу-Тимура. В ряде волостей вологодского Заозерья, представлявших собой северную окраину Ярославского княжества, в XVII в. были церкви во имя Фёдора и его детей Давыда и Константина, канонизированных в 1460-х гг. Подобные храмоименования отражали почитание ярославских князей на Вологодчине. В источниках отмечается благочестие кн. Фёдора и его ордынской

жены Анны, принявшей православие. Не исключено, что кн. Фёдор в конце XIII в. контролировал обширную территорию Вологодского Заозерья с санкции (по ярлыку? – М. Ч.) своего тестя. Поскольку отмеченные храмоименования не обнаружены в тех приходах, применительно к которым в XVII–XIX вв. известно их определение как улусцев, это указывает на различное происхождение данных явлений (и по времени, и по причинам). Помимо ярославских и устюжских документов, употребление термина «бегоули» косвенно устанавливается и для Устьянских волостей (1539/40 г.).

Одна из дочерей Ивана Калиты, Евдокия (ум. 1342), была замужем за внуком кн. Фёдора, великим ярославским князем Василием Давыдовичем Грозные Очи (ум. 1345), а в селе Заднем, центре заозёрских владений ярославских князей, в позднейших писцовых и переписных книгах отмечена церковь во имя «матери Евдокеи». Основана она могла быть дочерью Калиты как ктиторский храм в честь своей соименной святой великомученицы. Приведенный ряд фактов отражает в том числе и усиление позиций Московского великого княжества в данной части севера. Достигнуто оно было не только через династический брак, но и, по-видимому, при непосредственной поддержке Орды. Расширение территории, подведомственной Калите как ставленнику Узбека, сулило вместе с тем увеличение ордынского выхода. Возможно, происходило это в хронологических рамках 1339 (момента купли Белоозера) и 1345 гг. (смерти его зятя,

ярославского кн. Василия Давыдовича). Спустя почти столетие после Калиты включённость Заозерья в ярославскую «часть» ордынского выхода («и во все пошлины в ординские проторы по старине...») фиксируется в dokonчании Василия II и удельного кн. Михаила Андреевича Белозерского (июнь 1447 г.). Вскоре в dokonчании Василия II с кн. Иваном Андреевичем Можайским (сентябрь 1447 г.) ордынский выход был уже переадресован с Ярославля в казну великого князя.

В связи с уплатой полагающейся с данного княжества части «выхода» составлялись специальные податные грамоты (или списки), называемые *дефтеры* («...А имати ти у мене выход по старым дефтером по крестному целованию»). На основе дефтерей великий князь мог дать освобождение от уплаты выхода на несколько лет удельному князю с его территории. Дефтеры как разновидность актов фигурируют в духовных грамотах великих князей среди других важнейших документов их казны (архива) – ярлыков и договоров. «Дефтер» определяется также как перечень налоговых поступлений с областей и городов. А. Н. Насонов отмечает, что на основании дефтерей вёлся счёт населения по домам или семействам по «тьмам» (темам), а к 1360 г. относится известие о 15 «темах», входивших в великое Владимирское княжество.

О привлечении местного населения к ордынской по происхождению повинности *ямщине* (в денежной форме – по 4 алт. с сохи – или непосредственно в виде проезжей службы с

сохи) можно найти позднейшее свидетельство в жалованной грамоте одного из последних представителей старшей ветви ярославских князей, служилого кн. Василия Даниловича Пенкова Сямженскому Евфимьеву монастырю 1526 г., трактуемое С. М. Каштановым как совершенно оригинальное. Здесь уместно привести и мнение Б. Д. Грекова, основанное на первом ханском ярлыке митрополиту Кириллу (1267) о том, что первоначально ям являлся видом дани, а затем стал натуральной повинностью – поставлять лошадей и подводы татарским послам и чиновникам.

Обратившись теперь к Вологде, напомним её сопредельное положение между Новгородом и великим Владимирским княжеством. С 1264 г. она последовательно фигурирует в dokonчаниях республики с князьями в составе новгородских волостей. Одновременно князья неуклонно стремятся закрепить своё влияние в Вологодской «волости». Определённую роль в проникновении сюда их власти сыграла военная помощь татар. В 1273 г. в летописях отмечены нападения великого владимирского кн. Василия Ярославича с великим владимирским баскаком Амраганом на Торжок и тверского кн. Святослава Ярославича с «царёвыми татарами» на ряд других новгородских волостей – Бежицы, Волок и Вологду. Так в ней могла возникнуть княжеская часть, противостоящая новгородской. Политическая подоплёка событий 1273 г. была проанализирована А. Н. Насоновым. Она заключалась

в том, что новгородцы не хотели признать великим князем ставленника Орды Василия Ярославича, и тогда военные акции княжеской власти против Новгорода были проведены с участием «царёвых татар», то есть с санкции тогдашнего правителя (царя) Орды Менгу-Тимура. Ещё одним средством давления на Новгород была задержка его купцов («гостебников») и отнятие их товаров в Низовской земле.

В связи со сказанным на память приходит такой урбоним старой Вологды, как *Числиха*. Топографически Числиха, ныне практически совпадающая с центром Вологды в районе «Старого рынка», по отношению к городу XIII в. находилась ниже по течению реки, за пределами новгородской крепости. Правда, этот урбоним (по аналогии с улусами и бегоулями) фигурирует в поздних источниках (обывательских книгах конца XVIII в.), но все же наводит на предположение об опорном пункте и агентах ордынской налоговой системы (*численниках*) здесь. «Численные люди» на Руси XIV–XV вв. (наряду с делюями и ордынцами как принадлежащими числовому делению на десятки, сотни и тысячи) специализировались на обслуживании ордынских послов, других видах особой службы, доставляли дань в Орду. Не исключено, что после отвоевания князьями у Новгорода в 1273 г. с помощью татар части города здесь в 1275 г. была проведена татарская перепись и население «положено в число», то есть учтено как налогооблагаемое, а ещё подлежащее набору в военные подразделения (десятки, сотни, тысячи), возмож-

но, для поддержания местного порядка. Такие меры стали реакцией татарских властей на стихийные городские движения начала 1260-х гг., в том числе и в Устюге. Числихой указанное место могло быть также названо в силу поселения на нём «численных» (описанных татарами) людей либо самих численников – переписчиков-налоговиков.

О проведении переписей в Вологде и уезде с целью взимания ордынского выхода известно лишь во второй половине XV в., когда существовало Вологодское удельное княжество Андрея Васильевича Меньшого. Необходимость фиксации налогообложения «по сохам и людям» отражена в завещании Василия II 1461 г.: «...как мои дети почнут жити по своим уделом и поимут писцов да уделы *писцы их опишут* по крестному целованию, да по тому писму обложат по сохам и по людям, да по тому окладу моя княгиня и мои дети и в *выход* учнут давати сыну моему Ивану со своих уделов». Не случайно в вологодских актах того времени упоминаются люди чёрные, тяглые, письменные, данные. Заслуживает внимания гипотеза С. М. Каштанова о сохе в Вологодском Заозерье во второй четверти XVI в. как податном округе из 100 дворов. Не исключено, что такой же она была и в более раннее время.

На общерусском уровне ответственным за ордынский выход с Вологодского удела был вел. кн. Иван III, и, судя по духовной кн. Андрея Меньшого, к моменту его смерти в 1481 г. с Вологды накопился большой долг в 30 тыс. руб. перед ве-

ликокняжеской казной. «... Что за меня, – писал кн. Андрей в завещании, обращаясь к старшему брату, – в Орды давал и в Казань и в Городок царевичю и что есмы у него себе имал». Поскольку кн. Андрей Вологодский реально управлял своим уделом с 1467 г., то в течение 15 лет до кончины ему следовало бы уплачивать по 2 тыс. в год со всех его частей (не только с Вологды с 14 волостями, но и Тарусы, а также некоторых подмосковных волостей и сёл – Раменейцо, Тайнинского, Ясенева, Шарапова). Цифра эта представляется чрезмерно завышенной: обычно с уделов младших князей оклад выхода составлял 150–159 руб. К тому же из общей суммы, указанной в завещании, в 30 тыс. следует вычесть личный долг кн. Андрея старшему брату, размер которого конкретно не отмечен. Одним словом, краткость известия духовной не позволяет более подробно рассчитать размеры ордынского выхода с Вологодского удела кн. Андрея, а также – в «адрес» каждого из трёх получателей (Большой Орды, Казанского ханства и Касимова).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.